

гаемого события. Примером такого чередования записей может служить цепь известий, читающихся под 1155 г.: „Том же лете посла Дюрги Дюрга Ярославича, с Жирславом и с Вячеславли внукуы, на Мьстислава на Изяславича ... Тогда же иде Гюрги на снем противу половцем Каневу... В то же вереме приде Гюргевая княгини из Суждаля Смоленску, и с детми своими, к Ростиславу... Том же лете приде к Дюргеву галичская помочь от зяте его от Ярослава... Том же лете иде Андрей от отца своего из Вышегорода в Суждаль, без отне воле...“ (стр. 330—331). Здесь все погодные известия объединяются именем князя Юрия Долгорукого, во всяком случае касаются его или его семьи, и это сообщает им характер последовательного изложения.

Точно так же соединяются в один повествовательный ряд и летописные рассказы; объединенные единством „героя“ или излагаемого события, они складываются в единый развернутый рассказ, отдельные эпизоды которого отделяются друг от друга, как и записи в вышеприведенном примере, формулами: „Том же лете“, „Того же лета“, „В то же время“ и проч. Разница только в том, что рассказы объединяются в такой ряд неизмеримо чаще, чем погодные записи, и нередко, в пределах данного года, без этих формул: один непосредственно примыкает к другому, в результате чего повествование приобретает характер уже не только последовательного, но и непрерывного изложения. Так, например, рассказы об Изяславе Мстиславиче, начиная с 1146 г., именно в силу указанного обстоятельства, образуют непрерывный поток повествования, часто не сдерживаемый никакими преградами традиционных формул перехода от одного рассказа к другому. Эту непрерывность в летописи Киевской нарушает только погодная канва; если время излагаемого события охватывает два года или больше, — рассказ на соответствующем месте непременно будет механически оборван формулой: „В лето 66...“. Формула эта теперь, однако, уже теряет свою былую принудительность; она уже не означает перехода от одного рассказа к другому, а служит только указателем времени. Так, кстати сказать, уже в XII в. подготавливалась возможность полного освобождения летописания от погодной канвы (не погодного принципа), которая и была реализована, как известно, летописью Галицко-Волынской.

Очень близко напоминает летописный рассказ погодную запись и по своей литературной природе. В рассказе тоже нет ничего „литературного“, сочиненного — за немногими исключениями, о которых речь будет ниже в иной связи. Летописный рассказ в неменьшей степени документален, чем погодная запись. Он — прямое отражение реальной действительности. Это — рассказ в буквальном смысле этого слова, обычно составленный по свежим следам события очевидцем или со слов очевидца. Как и всякий рассказ очевидца, он нередко отмечен печатью той непосредственности, которая так характерна для такого рассказа, не претендующего на литературность и преследующего цели простой информации. Своими отчетливыми „сказовыми“ интонациями он порою